

Ветер утих, и как-то даже потеплело. Дорога вдоль небольшой речушки стала ровней и твёрже, кое-где по ней даже завихрились стайки пыли. Лошади пошли быстрее. Небольшой обоз из трёх подвод, растянувшийся по дороге, подобрался. Идущий впереди Игнат чуть подстегнул упряжку, и вскоре лошади выкатили на бугор.

Впереди лежало залитое последним вечерним светом большое село. Дорога бежала к нему, превращаясь в утопающую в свежей зелени улочку. В центре села высилась ярко освещённая стройная церковь, а за ней золотом отсвечивала огромная река. Дальний берег был тёмным: солнце туда уже не пробивало.

Сидевшая на подводе Паруша ахнула:

— Красиво...

— Ну, слава тебе Господи, успели засветло, — сказал Игнат, перекрестился и, обернувшись, крикнул задним: — Добрались. Иван, вот они, Бугры. Пошла, родимая, — легонько двинул вожжами.

Приезд не остался незамеченным. Не успели проехать по селу и саженой ста, как справа со двора добротного дома вы-

шел коренастый мужик в рубаше с серой жилеткой и в синем новеньком картузе.

– Стой, – прикрикнул он, беглым острым взглядом на секунду задержавшись на Паруше.

– Тпру, Гроза, – остановил Игнат лошадь. Бабы притихли.

– Кто таки?

– Поселенцы мы, – с осторожностью ответил Игнат. – В Кривощёкова едем, на мост.

– Сами откедова?

– С России, с-под Нижнего. Волга-река там.

– Да знаю, много вас тут нынче.

– А сам-то кто будешь?

– Белоусов я, Александр. Староста здешний [1]. Покурим, что ли?

– Паруша, дай кисет. – Игнат соскочил с телеги.

– Игнатий я, Ермоленков. А то Иван Лукин. Здравы будем. Уж второй год едем. Устали шибко. Но уж скоро.

– Ну, сегодня вам спешить уже некуда, – сказал Белоусов, сворачивая самокрутку. – Переправа на сегодня не работает, завтра, в воскресенье и пойдёте. А на ночь вставайте ближе к берегу, да не совсем, а то в болотину залезете. Вот за околицу выйдете, там и ночуйте. Тихо у нас. Если что, скажете: «Белоус распорядился».

Пока мужики говорили, потянуло ветром, повозку засыпало белыми лепестками отцветающей рядом черёмухи. Паруша, тоже вся в белых хлопьях, замерла. «Вот приедем, у меня тоже будет целый сад такой черёмухи. Нет, ещё больше!» – заморожено замечталась поселенка.

– Ты чего? – баснул Игнат, сметая с облучка лепестки. – Сору-то навалило.

Только стемнело, только разложили под телегами ночлег, и собрался уже Игнат нырнуть к своей Паруне, как из села

послышались твёрдые шаги. К путникам подошёл высокий в форменной одежде человек.

– Пристав Ржевский [2], – представился. Далеко ль путь держите?

Игнат повторил свою историю. Пристав посветил керосиновым фонарём свидетельства Ермоленкова и Лукина.

– Ходоки. Порядок. Только вот костерок хорошо загасите.

И зашагал обратно в село. Игнат наконец-то с удовольствием окунулся в бабское тепло. Аж замурчал.

Прасковья замуж вышла в 17. Отдали быстро и не глядя. У батюшки, Якова, ребятишек хватало. Девицей она была хоть и бедной, но статной. И суженый попался неплохой. Не-высокий, белобрысый мужичок, всего на пяток лет старше. Плотник умелый. Влюбилась даже. И вот уж полдюжины лет вместе живут, и всё так же горит меж ними огонь любви и ласки. Родила она было мужу девочку – Вареньку. Но не дал бог, померла от оспы. Да и после ребятишки не приживались. Сильно хотела Паруша дитя, ой как хотела, вот и Игнат надеялся, что смена места поможет.

С утра все пошли к заутрене. Пока худощавый в круглых очёчках поп пел «Спаси ны, Сыне Божий, воскресый из мертвых...», Паруша пооглядывалась да ткнула Игната в бок: «Глядь, церква вроде новая, а брёвна старые». Тот усмехнулся в бороду: «Вот дура баба, а и та научилась плотнические мелочи примечать». Выйдя из храма, Игнат поспрашал, где найти служившего попа. Узнал, что зовут его протоиерей Диомид и живёт рядом на подворье. А тут и сам его увидал, догнал, руку поцеловал да вопрос жены повторил:

– Как так, батюшка, церква у вас вроде новая, а сложена из брёвен старых?

– Плотник, что ли? Дело хорошее. Верно говоришь, это старая Никольская церковь. Полгода вот как собрали. А до

того тут она стояла, – сказал батюшка, махнув рукой, – недалеко. В селе Кривощёково. Да там нынче железную дорогу строят. Богоугодно было перенести храм сюда, в Бугры [3].

Пока ходили в церковь, запоздали к переправе. Там уже растянулась очередь из подвод и пролёток. Повсюду слышалось кудахтанье кур, поросячий визг, мат. Все спешили на рынок.

Переправиться удалось только на дневном пароме. Зато было время разглядеть громину того самого моста, что строился чуть вниз по реке. Уже почти полностью соединивший берега, весь в лесах, он показался Паруше опасным, щетинистым зверем, выползшим из лесной чащи на водопой.

Наконец-то с правого берега подошёл маленький, закопченный буксир. Расторопные парни быстро притянули к берегу почти пустую баржу. Началась погрузка. Стоящий на мостках мужик в замусоленном армяке собирал в большую кружку по гривеннику с подводы.

На пароме Игнат снова увидел Белоусова, который опёршись об ограждение, как раз о чём-то говорил с тем высоким приставом. Подошёл, поздоровался.

– Ты не тушуйся, Игнат, – подбодрил староста. – Вставай вон там, как подойдём, чуть выше, – показывая толстым гнутым пальцем в сторону уходящей вверх просеки.

– В посёлок пока не суйтесь, – продолжил он, – празднуем восхождение на престол императора нашего всероссийского Николая Александровича. Затеряетесь. А на недельке к старосте тамошнему, Титлянову Илье Григорьевичу, зайди, он там недалеко живёт. Только сразу с утра, а то он потом к себе в кафэ уйдёт [4]. Скажешь от меня. Верно, Григорий Михайлович?

– Нехай, – буркнул пристав, недовольный прерванным разговором.

Так и порешили. Выехав с паромы и поднявшись до ближайшей улицы, слышали какой-то шум. По дороге к мосту с криками «за царя-императора!», «Николай батюшка Александрч», «ура!» бежали с десятков мужиков. Некоторые держали в руках дрыны, вырванные из ближайших палисадников. Кобыла Гроза было взбрыкнула, но Игнат резко её осадил. Проводив недоумённым взглядом толпу, мужики пересекли дорогу, проехали чуть выше и, как было договорено, встали на ночь в конце какой-то улицы.

Через пару дней Игнат и Иван пошли к старосте. Дом нашли быстро. Он действительно оказался неподалёку: на той самой улице, что ближе к реке. Рассмотрев бумаги, строгий и чем-то явно раздосадованный Титлянов спросил:

– Где встали? Ну и ладно, там и стройтесь. Только ровненько, по прицелу. Зайду как-нибудь, проверю, – и жёстко добавил: – Пьёте?

– Да как все, по праздникам, – выдавил Лукин.

– По праздникам... Ладно, у Белоусова чутьё на людей есть.

Староста передал бумаги помощнику:

– Дмитрий, запиши.

Титлянов взял картуз и быстро вышел из дома.

– Повезло вам, братцы, – обратился к поселенцам Дмитрий. – Налимов, – представился он и протянул руку для приветствия.

Налимов оказался словоохотливым и, пока записывал в толстый серый журнал данные новоприбывших, рассказал, что вчера на площади, где проходили торжества в честь коронации императора, пьяные разнесли две торговые палатки, украдено было целых 5000 рублей. Бунтовщики разгромили и ренсковый погреб торговца Олюнина, перепились, да многие там сами и упали. Но мужики посознательнее не дали разбою развиваться и так крепко поколотили буянов, что двое из них аж умерло [5].

– Дела, – только и протянул Игнат, но дома жене ничего говорить не стал, боясь, что напугается и запросится обратно, на Волгу.

Игнат взялся за обустройство рьяно. Потряс узелками, и к холодам пятистенки уже стояли. Пристроили и холодный прируб-сени. Вода сюда не доходила, поэтому подклеть, без которой там, дома, не обходилась ни одна изба, здесь не понадобилась.

Паруша с упоением занималась обихаживанием усадьбы. Первое, что она сделала, это определила место для садика, выделив для него южную сторону участка. Познакомилась с землячкой, купчихой Евдокией Терентьевой, что жила поблизости [6] – в усадьбе у той тоже стлалась черёмуха. Соседки поладили, и к осени новая селянка подкопала в усадьбе купчихи с дюжину прутьев черёмухи да высадила у себя. Воду приходилось таскать с Оби. Хотя и недалеко, всего-то сажень двести, но в гору. Воды надо было много, но это не спугнуло молодую хозяйку. Весной живая изгородь зазеленела.

В конце апреля сбылась ещё одна мечта – родился Коленька. Крепенький, светленький, синеглазый – весь в отца. В доме Терентьевых снимала комнату молодая повитуха Анна Семёновна [7], вот она роды и принимала. Разрешившись, Паруша не поверила своим глазам. За окном комнатки, где родился Коленька, тоже росла черёмуха! И зацвела она ровнёхонько на день его рождения.

– Счастье-то какое, – вслух произнесла-подумала мать.

Вернувшись с сопящим свёртком домой и увидев первые робкие цветочки на своих маленьких кустиках, Паруша пронзительно поняла, что прошлым летом вместе с тонкими веточками черёмухи она прижила и ребёночка.

Игнат устроился плотником на строительстве моста. Работы было много. Близилась сдача. Авралы за авралами. Но платили хорошо – до 40 рублей. С двух таких зарплат Игнат купил в хозяйство хорошую дойную корову, да ещё и на еду осталось.

А прошедшей весной по старой мостостроительной традиции Игнат Матвеевич Ермоленков вместе с другими строителями-инженерами стоял на льду реки под фермами новенького моста, а на него медленно, один за одним, въехали четыре паровоза по 3 160 пудов каждый. Боязно было! Когда колёса загремели по фермам моста, Игнат уже было рванулся прочь. Стоявший рядом инженер Тихомиров Николай Михайлович [8] (Ермоленков помнил его по частым визитам на стройку), видя испуг рабочего, пригладил бороду и громко сказал, обращаясь к нему:

– Вот посмотришь – век простоит. Хороший вышел мост. Крепкий.

Как бы в подтверждение этих слов паровозы одновременно дали протяжные, весёлые гудки.

Будучи тогда ещё на сносях, Паруша не пошла глядеть на этот ужас, но со двора поглядывала в его сторону и всячески прислушивалась к доносимым оттуда звукам. Вместе с мамой тревожно шевелился и маленький. Тогда он ещё не был Коленькой. Он стал им в этот зимний вечер. Вернувшись с работы, немного навеселе, Игнат ласково обнял жену, прижался ухом к животу, послушал.

– Парунечка, как сына-то назовём?

– Отчего ж сына? Может, девочка будет? Помощница, – всплеснула полнеющими руками жена.

– Нет, я же слышу – сын! Давай Николаем назовём. Видел я сегодня инженера нашего главного, Тихомирова. Вот бесстрашный человек. Какое дело громадное сделал! Вот и наш

Николай подрастёт, выучится на инженера, мосты и дороги будет строить. Большие, до самого океана.

– Спать иди, окиян!

Так и появился в посёлке Ново-Николаевском Коленька, в котором родители уже видели будущего мостостроителя, воплощающего большую и светлую мечту связать океаны.

Пятого апреля железнодорожный мост через Обь сдали в эксплуатацию. Его строители стали искать новую работу. И хотя плотникам её хватало везде, но платили уже не так. Игнат бросил плотничать и стал заниматься ломовым извозом. Благо, посёлок рос как на дрожжах. Кобыла-восемилетка Гроза была ещё не стара, подвода тоже хоть куда. Пару подкрепов, и грузы хоть 50 пудов. Больше Игнат не давал – и кобылу жалко, и «меньше да больше», как отец говаривал.

Соседи Ермоленковых Лукины, прибывшие из России с ними одним обозом, по завершении стройки решили вернуться обратно, на землю, на хлеб. Крестьянский устой дал о себе знать. Они, надо сказать, и сразу не шибко-то строились. Всю зиму прожили в наспех сколоченной сарайке, намерзлись, намучились.

Игнат быстренько сговорился с Иваном Лукиным, отдал тому свою вторую подводу, немного денег и занял их смежный участок. Надо бы и бумаги выправить. Да где? Титлянова от дела уже отстранили. Говорят, купцы навет губернатору написали. Пострадал Илья Григорьевич сильно: и хозяйством, и здоровьем. Ведь в речку Каменку с моста даже сбрасывали. Жители аж в Петербург императору писали, чтоб заступился. И ведь вроде хороший был человек, деловитый и справедливый. А власть в посёлке как бы передали полицейскому приставу Ржевскому. Хоть и знакомец, но идти к нему Ермоленков не решился – вдруг засудит. Пошли снова к Терентьевым. Написали бумагу, что де Иван Лукин в честном здравии и

добровольно участок уступил за деньги и подводу. За тем и подписались: Василий Яковлевич Терентьев, Игнатий Матвеевич Ермоленков и палец приложил Иван Петрович Лукин.

Паруша передала односельчанам приветы и гостинцы, особенно батюшке Якову и матушке Фёкле. Она срезала у Коленьки прядь его светлых волосиков, вместе с ладанкой завернула в собственноручно вышитое полотенце, перевязала красной ленточной, что подарил ей муж, перекрестила и велела строго настрого не открывать послания, дабы что не потерялось. В конце мая Лукины двинулись домой.

Так у Параскови Яковлевны хозяйство выросло вдвое. Что же сделала наша хозяйюшка? А насадила же она, конечно, ещё кустов черёмухи, да и смородины добавила в дальнем углу.

Время шло быстро. Посёлок Ново-Николаевский уже стал городом по полному положению и сильно разросся.

Дела у Ермоленкова ладились. Всё честь по чести. В управе ему выписали номер – 357. С утра Игнат уезжал к лесопильному заводу Антона Савельича Чернышова [9], где был на особом счету, а сентябрём обычно устраивался на подряд возить зерно. Да и сам промышлял. Привезти бревён, доски, дрова, мебель кому-то завсегда надо было. Как-то зимой очень выгодно перевёз из Колывани на Телеграфную улицу [10] целый дом – прямо по реке.

Вскоре он обновил подводу, в конюшне, поставленной во дворе Лукиных, стояли розвальни с подрезами, появился молодой жеребец-пятилетка, взятый хозяином с прицелом на парную и ямщицкую работу. Игнат мечтал получить разрешение на легковой извоз по I-му разряду. И пролётку уже приглядел. С рессорами, красивыми красными крыльями, бархатным с кистями облучком, откидным верхом и даже

свечным фонарём. А в магазине Фёдора Маштакова на Ярмарочной площади [11] подметил и чёрную поярковую шляпу с большой пряжкой.

Во вторник, 11 мая, день задался солнечным. Игнат с утра уехал к Чернышову, после полудня Паруша покормила сына, оставила играть в доме, а сама вышла во двор. Задала обед скотине да со вздохом оглядела огород. Работы было много: нужно было полить высаженную накануне клубнику (Коленька очень её любил), готовить к посадке редьку, морковь, тыкву, брюкву, капусту. Под свежим ветерком с реки уже почти осыпалась её любимая черёмуха и лепестки белым ковром устилали землю.

Солнце уже минуло зенит, когда женщина вышла на улицу, чтобы поравнять небольшим кетменём водосточную канаву, но тут услышала со стороны города тяжёлый звон колокола и шум. Обернувшись, она увидела, как вниз по Сузунскому ввозу [12] бешено промчались кони и несколько повозок с пожарными. Рядом тревожно, высоко и отрывисто звонил колокол Закаменской церкви [13], а вдали густо бухал набат Невской [14]. Ниже по реке, в Центральной части, поднимался густой дым пожара.

Паруша схватила из сеней два ведра с водой и, взяв их на коромысло, тревожно обошла дом. У неё всё было в порядке – полыхало вдали, за речкой. Она перекрестила пожар и где-то там мужа, наказала сыну из дому не высовываться и продолжила копаться в огороде.

Поздно вечером, уже потемну, наконец-то приехал Игнат. Загнал пустую подводу во двор, рукавом чёрной от сажи рубахи машинально вытер номер, прикреплённый к задней оси, распряг Грозу, потрепал за гриву радостно заржавшего Орлика. Потом снял рубаху, штаны. Голый вылил на себя полбочки талой воды, десяток раз намылившись, смывая

чёрную от сажи пену и потихоньку матерясь. Жена молча стояла рядом с чистым рушником и ждала.

За чаем всё ещё пахнувший гарью Игнат рассказал, что сгорело полгорода, что пожарная колокольня на Старобазарной рухнула, а тушили пожарные обозы с Закаменки и с вокзала: оттуда шли нескончаемые повозки с бочками, трубами, баграми, лестницами. Главное догасили, но ещё не закончили. Всё возят и возят воду [15].

Утром белые лепестки опавшей черёмухи были покрыты чёрной пылью пепла. «Горе-то людям какое», — сказала вслух Паруша, покачала головой и пошла к скотине.

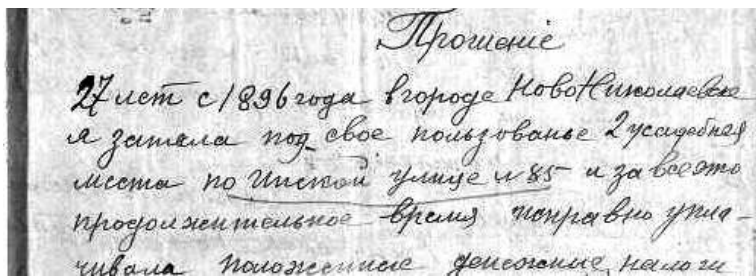
Примечания:

Сюжет основан на архивных документах. Большинство персонажей рассказа, их занятия, должности реальны, а происходящие события действительно имели место.

1. Белоусов Александр – староста села Бугринского в 1901 году.

2. Ржевский Григорий Михайлович – пристав 5-го полицейского стана, штаб-квартира которого с 1895 года располагалась в селе Бугринском. В его ведении были не только Бугры, но и Кривощёково, и Вертково, и сам посёлок мостостроителей.

3. В 1895 году на средства железнодорожного ведомства из Кривощёково в Бугринское перевезли деревянную церковь во имя Святителю Николаю Чудотворца постройки 1881 года, волостное правление, каталажную тюрьму и ещё несколько добротных общественных домов. Здания собрали в прежнем виде, и 7 декабря

1895 года церковь была заново освящена протоиереем Диомидом Чернявским.

4. Титлянов Илья Григорьевич – отставной артиллерийский писарь, первый выборный староста Ново-Николаевского посёлка. Был избран в августе 1896 года вместе с заместителем Дмитрием Налимовым. Служил в буфете-кафе при железнодорожной станции «Обь».

5. Беспорядки, случившиеся в Кривощёковой, действительно происходили 19 мая 1896 года. Поводом для них стало требование рабочими денег для празднования коронавания императора Николая II.

6. Усадьба крестьян Пермской губернии Камышловского уезда Ертарской волости Василия и Евдокии Терентьевых стоит и сегодня по адресу Инская, 65. В настоящее время её занимает областной наркологический диспансер.

7. Ложевская Анна Семёновна – известная в Ново-Николаевске акusherка.

8. Тихомиров Николай Михайлович – главный инженер, руководящий завершением строительства железнодорожного моста через реку Обь.

9. Антон Савельевич Чернышёв – владелец парового лесопильного завода, который находился в створе ул. Чернышевский спуск.

10. Телеграфная – ныне ул. Кирова.

11. Ярмарочная пл. – ныне пл. Ленина.

12. Сузунский ввоз – ныне ул. Восход.

13. Закаменская церковь находилась на Сузунской улице (она же Сузунский ввоз). Закрыта в 1938, сломана в 1982-м.

14. Собор Александра Невского (Красный проспект, 1а).

15. Старобазарная площадь – ныне пл. Свердлова. Последствия пожара 1909 года были тяжёлые. Сгорело 22 квартала, 794 дома, более 6 000 человек осталось без крова. Ущерб превысил 5 миллионов рублей.